

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.073-082
УДК 903.5

Н.П. Матвеева

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Курганы-пирамиды раннего железного века в Западной Сибири

В статье рассматривается разнообразие рвов, ограждающих саргатские курганы раннего железного века в западно-сибирской лесостепи. Установлено, что преобладают 9-, 10- и 12-угольные замкнутые ограждения, кроме того, встречаются 6-, 7-, 8-, 14-угольные. Корреляция этих форм с размером насыпи, диаметром площадки и количеством могил не прослеживается. Анализ данных по микрорельефу поверхности курганов, источников по религиозным верованиям ранних кочевников позволил интерпретировать рвы разной конфигурации. Шести- и семиугольные ограждения обрамляли усеченную деревоземляную пирамиду, изначально символизировавшую Мировую гору. Предполагается, что 9-, 12- и 14-угольные конфигурации рвов являются результатом пропорционального увеличения стандарта архитектурного сооружения для лиц высокого статуса, поскольку внутри кургана им обычно соответствует шести- или семиугольная бревенчатая платформа. Незамкнутые рвы объясняются незавершенностью объектов, а 11- и 13-угольные ограждения трактуются как искажение первоначального плана погребального сооружения в ходе использования площадки для подхоронений. Сооружение рвов связано с мужскими захоронениями. Считалось, что такое ограждение защищает от сил смерти и возможного вредоносного магического воздействия влиятельных предков, культ которых прослежен по инвентарю «княжеских» погребений. Можно констатировать сохранение в семантике архитектуры саргатского кургана элементов ранней индоевропейской мифологии, значительно трансформированных на окраине скифо-сибирского мира за счет этнической специфики и новаций эпохи.

Ключевые слова: ранний железный век, саргатская культура, курган как архитектурное сооружение, семантика многоугольных в плане рвов.

N.P. Matveeva

Tyumen State University,
Volodarskogo 6, Tyumen, 625003, Russia
E-mail: nataliamatveeva1703@yandex.ru

Early Iron Age Pyramidal Kurgans in Western Siberia

Ditches encircling the Early Iron Age Sargatka kurgans in the Western Siberian forest-steppe are described. Most of them are nonagonal, decagonal, and dodecagonal, but hexagonal, heptagonal, octagonal and those with 14 angles occur as well. Kurgan shape does not correlate with size, platform diameter, or number of burials. The analysis of data regarding the micro-relief of the kurgan surface and of sources relevant to early nomadic religion enables us to interpret various types of ditches. Those of the hexagonal and heptagonal type encircled a wooden and earthen pyramid, presumably symbolizing the World Mountain. Those with 9, 12, and 14 angles result from a proportionally larger size of elite kurgans. Indeed, inside such kurgans, hexagonal and heptagonal wooden platforms are found. Unclosed ditches likely indicate unfinished kurgans, and those with 11 and 13 angles result from a distortion of the initial layout by secondary burials. Ditches are associated only with male burials and were apparently meant to protect the dead against evil forces and against the possible intrusion of potentially hostile ancestors, whose cult was reconstructed on the basis of offerings in elite burials. The architecture of the Sargatka kurgans evidences remnants of Indo-European myths transformed by inter-ethnic contacts and cultural innovations on the periphery of the Scytho-Siberian world.

Keywords: Early Iron Age, Sargatka culture, Scytho-Siberian nomads, kurgan architecture, polygonal ditches, semantics.

Введение

Идея рассмотрения кургана как архитектурного сооружения не нова, она высказывалась еще в XIX в., разрабатывалась М.П. Грязновым [1961], его учеником М.П. Чернопицким [1979, 1984] и др. Генезису, эволюции и семантике курганной традиции посвящена обширная литература [Gimbutas, 1970; Шилов, 1995; Смирнов, 1997; Ольховский, 1999; и др.]. Однако конструкции погребальных памятников каждой археологической культуры имеют свои особенности, и их следует рассматривать отдельно. В частности, для курганов раннего железного века в лесостепной зоне Западной Сибири (рис. 1, 1), на северной периферии скифо-сибирского мира, характерно наличие разнообразных рвов: concentрических, дуговидных, эллипсовидных и многоугольных в плане со сторонами разной длины и равносторонних.

Многоугольные в плане рвы вокруг погребений саргатской культуры были открыты в начале 60-х гг. XX в. [Мошкова, Генинг, 1972, рис. 2], ранее при исследованиях они не вскрывались полностью. Раскопки Тюменской археологической экспедицией в 1980-х гг. элитных курганов на высоких террасах Тобола, Ишима, Исети, на увалах, водоразделах, преимущественно на глинистых почвах, сделали такие на-

блюдения серийными [Матвеева, 1993, с. 13–43; 1994, с. 14, 26, 33, 47, 58, 70, 72, 81, 87]. Первоначальное объяснение сооружению многоугольных в плане рвов носителями саргатской культуры было дано на основе другого также весьма раннего наблюдения за строением насыпи больших курганов (высотой 3–4 м): в них содержались бревенчатые многоугольные платформы-выкладки по всей подкурганной площадке, возводимые поверх погребенной почвы, своего рода вариации конструкций кургана Аржан [Грязнов, 1980, вкл.]. Поэтому нами сделан вывод, что рвы выкапывались после сооружения такой платформы и оконтуривали ее, ограждая вход на погребальное пространство. Бревенчатая усыпальница стояла открытой, пока в курган производились подхоронения, о чем свидетельствует расположение выбросов из боковых могил на погребенной почве, и лишь позднее при откопке семейно-родственного коллектива или достижении другого ранга это сооружение завершали, закладывая кирпичами дерна, и начинали новое [Матвеева, 1993, с. 135–136; 2000, рис. 92].

Первоначальный внешний вид насыпи неизвестен, но как опыт реконструкции кургана Кенес ранних кочевников в Северном Казахстане [Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, рис. 4] представлен ступенчатый усеченный конус, изготовленный из дерновых блоков с глиняной крепидой, при оплывании увеличившийся в диаметре и уменьшившийся по высоте. Так же характеризует саргатские курганы Л.Н. Корякова [1988, с. 47]. Скифский курган, согласно серии исследовательских реконструкций, представлял собой сложный ансамбль из усеченно-конической насыпи, возведенной из грунтовых брикетов, с менгиром наверху, крепиды, рва, каменных гряд и поминальных [Ольховский, 1999, с. 125–126].

Саргатские курганы также сооружались из дерновых блоков, нарезанных вокруг погребального пространства, что подтверждено наблюдениями за различиями в толщине погребенной почвы внутри площадки и за ее пределами. Мы первоначально описывали внешний вид ранее открытых насыпей саргатских курганов как сегмент шара, не сосредоточивая внимание на деталях, и некоторые отклонения от по-

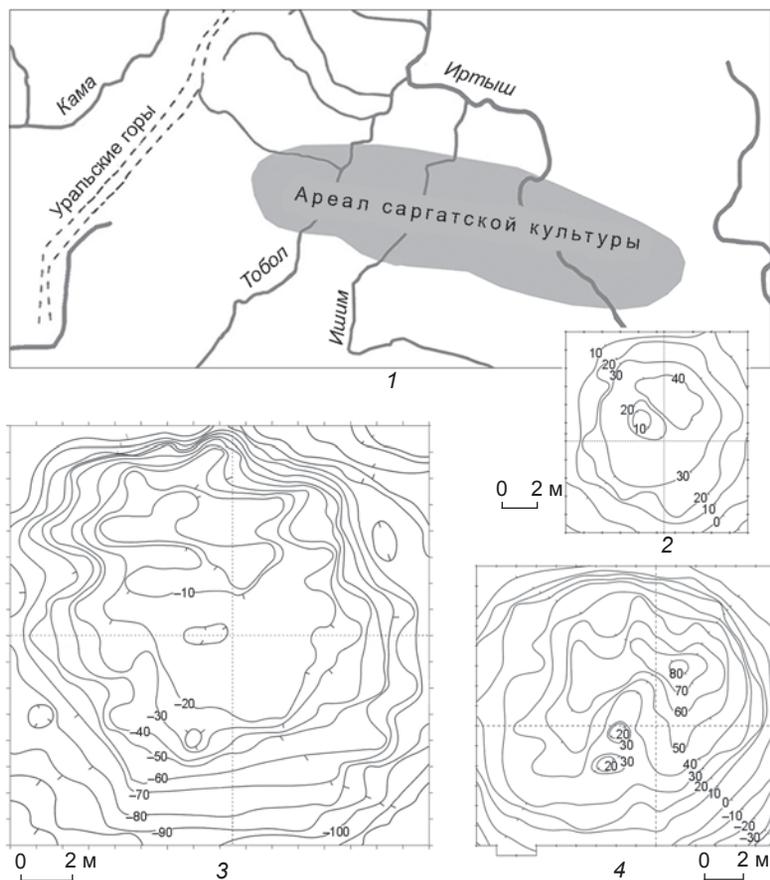

Рис. 1. Расположение памятников саргатской культуры (1) и микрорельеф поверхности курганов 2 (2), 3 (3) и 6 (4) Гилевско-го-2 могильника.

лушарной формы объясняли деятельностью бугровщиков. Тем более, ранее М.П. Чернопицким было показано, что купольные поверхности естественно возникают под действием деструктивных сил преобразования изначального тела насыпи, в особенности гравитационного фактора [1987, с. 60]. Но обнаружение насыпей усеченно-пирамидальной формы [Матвеева, Зеленков, Третьяков, 2018, с. 46] делает вопрос о внешнем виде курганов не таким очевидным.

Задачей данной работы мы видим характеристику элементов конструкции саргатских погребальных сооружений со рвами и выявление семантически значимых взаимосвязей. При этом исходим из понимания кургана как полифункционального сооружения, не только гробницы, но и мемориала, ритуального центра, отражающего архаическую систему мировосприятия с помощью опредмеченных элементов мифа.

Источники

На сегодняшний день раскопано более 150 рядовых и элитных курганов, значительная часть – еще в XIX – первой половине XX в., когда наблюдения за структурой сооружений не велись. Опыт раскопок саргатских курганов позволяет заявить, что геометрически правильных дуговидных рвов почти не встречается. В таком виде они фиксировались крайне редко, обычно в песчаных грунтах, и являются результатом разрушения первоначальных земляных ограждений. Если посмотреть на погребальные сооружения с точки зрения хронологии памятников, то многоугольные в плане рвы имеются как на самых ранних, так и на самых поздних могильниках (см. *таблицу*; рис. 2–4). Они характерны для некрополей в виде цепочек, т.е. архитектурных ансамблей с определенными интервалами и ориентировкой, подчиняющихся единому плану (например, Тютринский, Абатский-3); имеются также на могильниках кучной планировки, где несколько линий отходят от кургана-доминанты (например, Савиновский, Красногорский-1, -2).

Исключением из большинства купольных насыпей был кург. 1 Онуфриевского могильника на р. Исети, сохранивший форму усеченной пирамиды со стороны, противоположной господствующим ветрам [Матвеева, 1982, с. 28], высоту 2 м и диаметр 30 м. Однако к моменту раскопок его тело было скрыто бульдозерами и использовано на подсыпку полотна автодороги, поэтому микрорельеф поверхности зафиксировать вовремя не удалось. При зачистке на уровне материка вокруг могил этого кургана выявлены два многоугольных в плане (не менее чем 10–12-угольных, точную форму из-за повреждения строительными работами определить невозможно) концентрических рва с диаметрами описанных вокруг них окружностей 22

и 40 м [Матвеева, 1993, с. 134]. И только в 2017 г. нам удалось обнаружить еще несколько усеченно-пирамидальных насыпей на могильнике Гилевский-2 на правом берегу Тобола близ г. Заводоуковска (см. рис. 1, 2–4). Нивелировка раскопов через 1 м перед началом исследования трех из них выявила рельеф поверхности. Все насыпи оказались шестигранными. Относительно лучшую сохранность здесь тел курганов по сравнению с теми, что находятся на пахотных землях, мы склонны объяснять расположением их у южной кромки леса, защищающего от господствующих ветров, а также «фито-фактором», создавшим «арматурные сети» из корневой системы кустарников и деревьев.

Интересно отметить, что в одном кургане Гилевского-2 могильника оказался замкнутый восьмиугольный в плане ров (см. рис. 3, 5), в другом – незамкнутый, в третьем ров отсутствовал, хотя была вскрыта площадь значительно больше по размеру, чем насыпь, и сделана рекогносцировочная траншея. Несмотря на глинистый подстилающий слой и плотную черноземную насыпь, остатков бревенчатых конструкций в гилевских курганах не сохранилось. Получается, что изначальная форма насыпей определялась еще какими-то факторами, кроме очертаний платформ.

Рассмотрим выборку курганов с хорошо зафиксированными ограждениями (65 ед.) из всех локальных районов лесостепи Западной Сибири по опубликованным сводным работам [Мошкова, Генинг, 1972, рис. 1–2; Могильников, 1972а, рис. 2, 4, 6, 7; Полосьямак, 1987, рис. 4, 5, 8; Корякова, 1988, рис. 6–8; Культура..., 1997, рис. 2, 8, 11, 15; Матвеева, 1993; 1994; Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, рис. 36, 45, 50, 53, 56, 57; Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 3, 33, 41, 65; Погодин, Труфанов, 1991, рис. 1, 2], не претендуя на исчерпывающий обзор источниковой базы (см. *таблицу*).

Обсуждение материалов

Очень мало могильников раскопано почти полностью или целиком, но в длительно функционировавших курганных ансамблях удалось установить наличие культовых построек и увидеть места церемониальных действий. Все это позволяет согласиться с М.П. Чернопицким, обосновавшим тезис о культовой полифункциональности курганов [1979, с. 26]. Если бы в формах подкурганных площадок, рвов, валов и надмогильных сооружений воплощалась первоначальная идея ограждения места совершения погребальных ритуалов, то эти формы проявляли бы подобие, чего в целом не наблюдается. Кроме того, курганы, возведенные на отдельных возвышенностях, не окружали рвом, например Долгий Бугор

Количественные показатели саргатских курганов

Памятник	Район	Период	Начальный размер площади, м*	Начальная форма рва в плане: число граней	Кол-во могил	Измененный размер площади, м	Измененная форма рва в плане: число граней
1	2	3	4	5	6	7	8
Искровский	Тобол	Ранний	20	11	1	–	–
Суерка	»	»	11	11	1	–	–
Красногорский-1, кург. 3	»	»	17	14	1	–	–
То же, кург. 12	»	»	20	9	2	–	–
» кург. 17	»	Конец V – IV в. до н.э.	26	14	1	–	–
Долгий Бугор	»	То же	20	12	2	–	–
Рафайловский	»	Ранний	15	11	3	–	–
Красногорский Борок, кург. 1	»	»	10	9	3	–	–
То же, кург. 2	»	»	13	12	2	–	–
Тютрино, кург. 6	»	»	22	13	3	–	–
» кург. 7	»	Средний	20	14	4	–	–
» кург. 8	»	»	16	12	4	–	–
» кург. 9	»	»	22	9	1	–	–
» кург. 10	»	»	12	8	4	17	10
Савиново, кург. 1	»	»	14	13	3	–	–
» кург. 2	»	»	10	12	1	–	–
» кург. 3	»	»	31	10	?	–	–
» кург. 6	»	»	18	9	2	–	–
Красногорский-2, кург. 1	»	»	33	8	5	–	–
Гилево-2, кург. 6	»	I–III вв. н.э.	24	8	3	–	–
Усть-Тартас, кург. 7	Бараба	II–I вв. до н.э.	10	9	4	14	9
Марково-1, кург. 8	»	То же	11	12	7	–	–
» кург. 25	»	»	8	9	1	–	–
Абатский-1, кург. 2	Ишим	I в. до н.э.– I в. н.э.	17	9	9	–	–
» кург. 1	»	То же	14	11	10	–	–
» кург. 3	»	I–III вв. н.э.	18	10	11	–	–
» кург. 4	»	Рубеж эр	16	12	6	–	–
» кург. 5	»	I–III вв. н.э.	15	10	10	–	–
Абатский-3, кург. 1	»	Поздний	27	11	5	–	–
» кург. 2	»	»	13	11	11	22	14
» кург. 3	»	»	8	9	2	15	10
» кург. 4	»	»	10	12	9	14; 20**	12
» кург. 5	»	II–III вв. н.э.	10	10	8	15	12
Тютрино, кург. 5	Тобол	То же	10	7	2	13	7
Абатский-3, кург. 6	Ишим	»	23	14	10	–	–
Тютрино, кург. 1	»	»	14	12	3	13	11
» кург. 2	»	»	18	8	2	20	8
» кург. 3	»	»	19	12	7	–	–
» кург. 4	»	Поздний	15	12	4	–	13; 14**

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Савиново, кург. 7	Ишим	Поздний	19	13	2	–	–
» кург. 5	»	»	14	8	5	21	10
Гаевский-1, кург. 3	Тобол	Ранний – поздний	14	9	5	18	11
» кург. 4	»	То же	15	10	3	–	–
» кург. 5	»	»	19	11	3	–	–
» кург. 6	»	»	14	11	6	–	–
Нижнеингальский-1	»	Средний	13	11	3	–	–
»	»	Поздний	27	14	1	–	–
Старолыбаево-4, кург. 31	»	»	10	9	11	11	12
То же, кург. 33	»	»	13	12	6	14; 15**	12
» кург. 34	»	»	14	8	2	–	–
» кург. 35	»	»	13	11	1	–	–
» кург. 39	»	»	12	9	2	–	–
Сидоровка, кург. 1	Иртыш	»	20	11	2	24	12
» кург. 2	»	»	22	14	3	–	–
» кург. 3	»	»	24	11	3	–	–
» кург. 5	»	»	15	9	6	–	–
Исаковка-3, кург. 1	»	Средний	19	10	1	–	–
» кург. 2	»	»	10	11	7	–	–
Явленка, кург. 1	Ишим	Ранний	17	6	1	–	–
Татарка, кург. 1	Иртыш	»	55	7	2	–	12
Коконовка, кург. 2	»	IV–III вв. до н.э.	10	9	1	–	–
» кург. 3	»	То же	10	10	3	–	–
» кург. 10	»	»	14	9	1	–	–
» кург. 11	»	»	10	10	1	–	–
» кург. 13	»	»	10	10	1	–	–

*Размеры площадок курганов округлены до целых чисел; в тех случаях, когда зафиксирована овальная форма, она сведена к круглой и дан диаметр вписанной окружности.

**Два раза изменяли размер площадки и форму рва.

(см. рис. 2, 4) в составе Красногорского-1 могильника и кург. 1 Красногорского-2 (см. рис. 3, 4), расположенные в урочище Угоры на отдельных всхолмлениях на высоте ок. 50–60 м над поймой реки [Матвеева, 1993, с. 39–40]. Вероятно, древние предполагали наличие естественной защиты в таких случаях. Но идея многоугольности подкурганной конструкции воплощена в первом случае в 12-угольной бревенчатой платформе, во втором – в восьмиугольных очертаниях вала вокруг могил (на расстоянии 4 м от вала рва не оказалось, но не исключено, что он находился дальше и не был вскрыт).

Попробуем определить, есть ли зависимость между числом углов во рву и диаметром площадки или бревенчатой конструкции, а также между количе-

ством погребений и формой рва. Проанализируем характеристики рвов и курганов в нашей выборке по наблюдениям об их первоначальных размерах в программе Statistica.10. Корреляционный анализ никаких зависимостей между ними не выявил (например, коэффициент корреляции между числом углов во рву и количеством могил по всей выборке 0,08, по притобольской – 0,17). Более того, количественные показатели не подчиняются нормальному распределению, т.е. выборка не случайная. В ней преобладают элитные курганы Притоболья со своими локальными особенностями. В тобольской выборке форма подкурганной площадки, как и в общей совокупности, регламентировалась какими-то канонами. Наиболее часто встречающиеся 9-, 10-, 12-угольные в плане

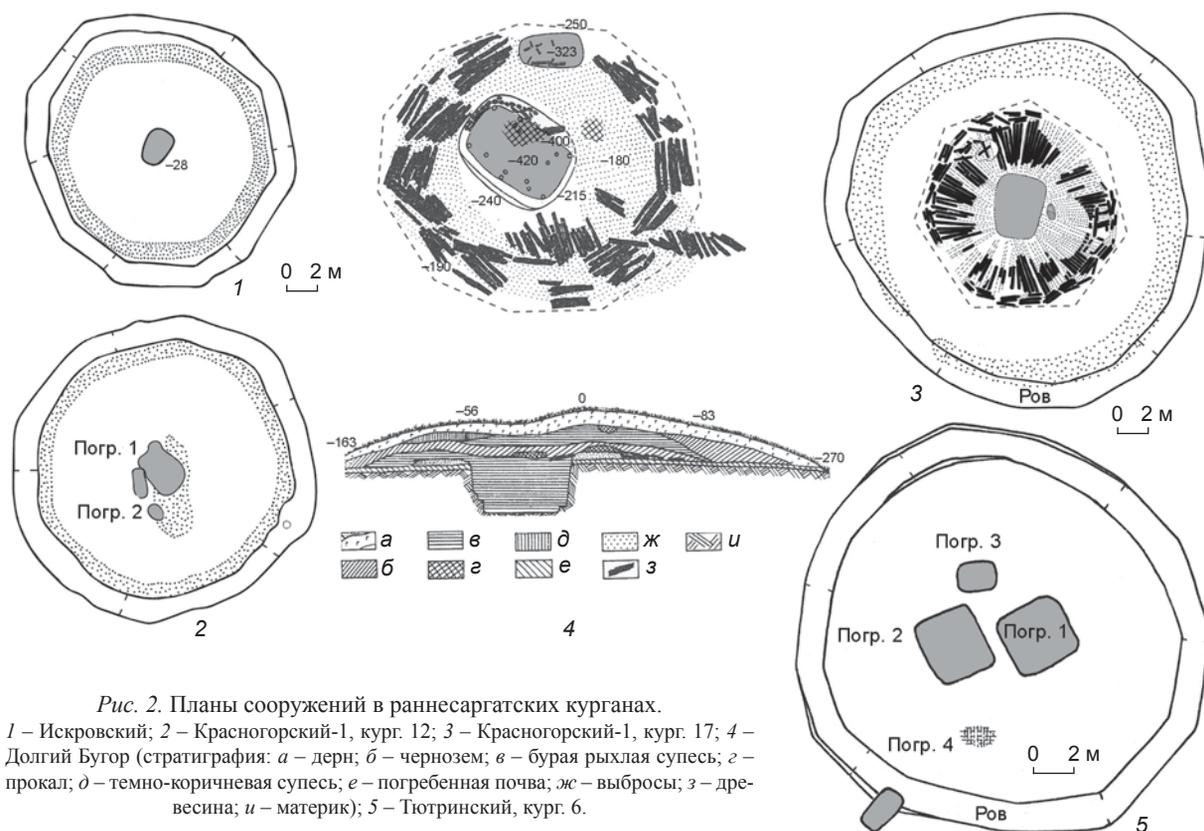

Рис. 2. Планы сооружений в раннесаргатских курганах. 1 – Искровский; 2 – Красногорский-1, кург. 12; 3 – Красногорский-1, кург. 17; 4 – Долгий Бугор (стратиграфия: а – дерн; б – чернозем; в – бурая рыхлая супесь; г – провал; д – темно-коричневая супесь; е – погребенная почва; ж – выбросы; з – древесина; и – материк); 5 – Тютринский, кург. 6.

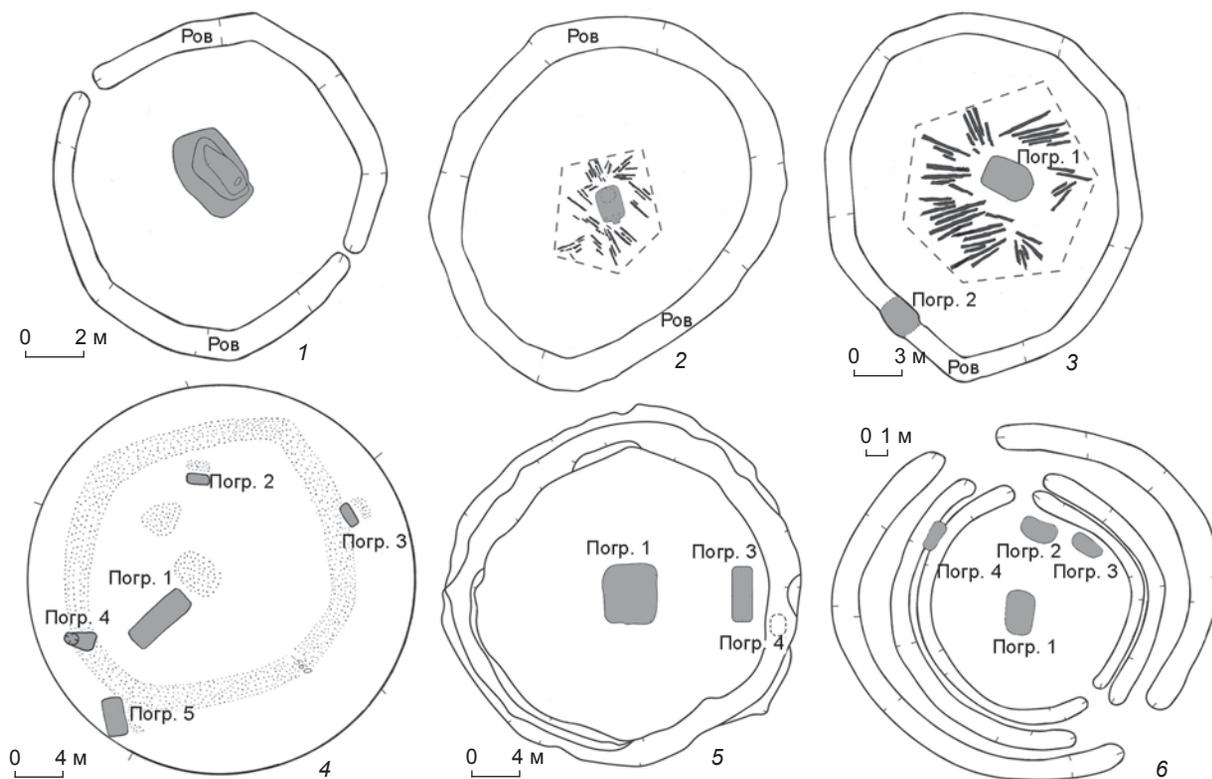

Рис. 3. Планы сооружений в курганах среднесаргатского периода. 1–3 – Савиновский: 1 – кург. 2, 2 – кург. 3, 3 – кург. 6; 4 – Красногорский-2, кург. 1; 5 – Гилевский-2, кург. 6; 6 – Усть-Таргас, кург. 7.

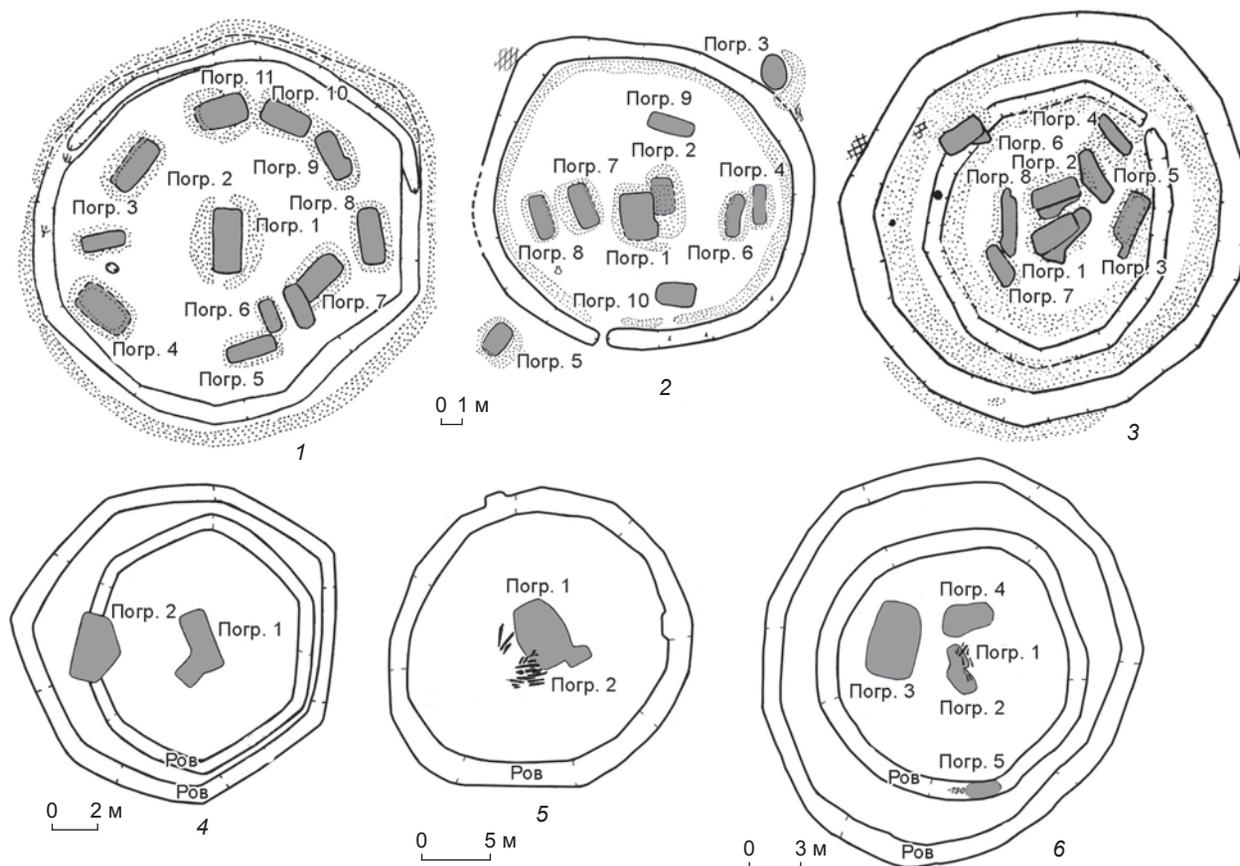

Рис. 4. Планы сооружений в курганах позднесаргатского периода.

1 – Абатский-1, кург. 3; 2 – Абатский-1, кург. 5; 3 – Абатский-3, кург. 5; 4 – Тютринский, кург. 5; 5 – Савиновский, кург. 7; 6 – Савиновский, кург. 5.

рвы были зафиксированы во всех районах и при всех масштабах строительных работ (рис. 5). Наверное, в них воплощены представления о количественной стороне структурных элементов мироздания. Числа, кратные двум, трем, пяти, видимо, являлись наиболее значимыми, как самые архаичные, восходящие к натуральным единицам счета, они представлены во всей древней культуре. Преобладающий восточно-иранский этнолингвистический компонент в саргатской культуре ранее обосновывался рядом исследователей, в т.ч. и нами, особенностями погребального обряда и элементов материальной культуры (украшения, костюм) [Матвеева, 2000, с. 255–256]. Поэтому укажем, что наиболее употребительные в архитектурных сооружениях величины, а именно числа, кратные трем, четырем, пяти и восьми, символизируют верховное божество, творца мира и главные его творения в ядре индоевропейских религиозных представлений [Топоров, 1994а].

Обратим внимание на шести- и семиугольные в плане рвы, характерные для одномогильных курганов (см. рис. 4, 4) и, по нашему мнению, отражающие четко выраженное начальное представление древних

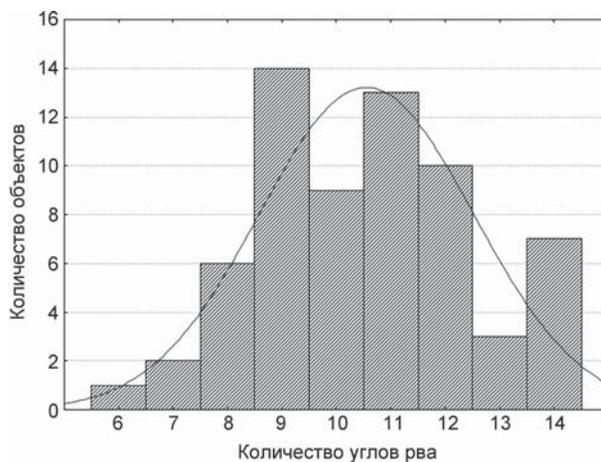

Рис. 5. Распределение саргатских курганов по форме рва.

о форме надмогильного сооружения как шести- или семигранной усеченной пирамиде, символизирующей мифологическую гору, место входа в Нижний или Верхний мир либо что-то подобное [Топоров, 1994в, с. 313]. Возможно, эти представления восходят к индоиранской мифологии, в которой четырехчлен-

ная горизонтальная структура вселенной и трехчленная вертикальная суммированием или умножением образуют сакральные числа 7 и 12 [Топоров, 1994б, с. 532]. Не исключено, что семантически ров, окружающий надмогильный холм, уподоблялся змею, который осуществлял соединение и разъединение неба и земли, как в архаических космогонических мифах, или стерег вход в подземный мир в качестве хтонического символа [Иванов, 1994, с. 469].

В дальнейшем при увеличении размеров всего сооружения с целью подчеркнуть более высокий статус лиц, погребенных в курганах, начальные величины 5, 6 и 7 удваивались. Удвоение изначальных пропорций, вероятно, объясняется стремлением выразить планировочное единство архитектурного сооружения во всех его элементах. Например, в кург. 17 Красногорского-1 могильника бревенчатая платформа имела семь граней, а ров, отстоящий от нее на расстояние вдвое большее, чем ее радиус, – 14-гранную форму (см. рис. 2, 3). В кург. 3 Савиновского могильника разрушившаяся бревенчатая выкладка может быть реконструирована на основании очертаний относительно равных по площади секторов, образованных истлевшей древесиной, как пятигранная, а ров десятигранный в плане (см. рис. 3, 2). В кург. 6 этого могильника платформа имела шесть граней, а ров отстоял к западу на вдвое большее расстояние, чем ее радиус, к востоку – в 1,5 раза большее, образуя девятигранную фигуру (см. рис. 3, 3).

Для погребальных комплексов позднесаргатского периода в литературе уже отмечен переход к многомогильности [Могильников, 1972б, с. 71], ведущий к изначальной планировке сооружения как единой усыпальницы для группы лиц разного статуса. Поэтому в архитектурно-планировочных решениях среднесаргатского и заключительного периодов можно усмотреть две тенденции. Одна состояла в поддержании изначальной площади и конфигурации погребальной площадки, например, в Тютринском, Гилевском-2, Усть-Таргасе, Абатском-1, и воплощалась в подновлении рва или повторении предшествующей формы новыми оградками (см. рис. 2, 5; 3, 5, 6; 4, 1, 2). Дру-

гая сохраняла традицию демонстрации статуса выдающейся личности в трудозатратах на строительство и выражалась в увеличении площадки и окружении ее новым рвом, вероятно, вследствие досыпки насыпи. Последние прослежены только в нераспаханных надмогильных сооружениях. Например, в кург. 5 Абатского-3 начальная 10-гранная ограда была заменена на 12-гранную, в кург. 5 Савиновского могильника восьмигранный в плане ров дополнили десятигранным в 1,5 раза большего диаметра вписанной окружности (см. рис. 4, 3, 6).

Каким образом получились 11- и 13-гранные конфигурации, также часто встречающиеся? Рискнем допустить, что могло быть сознательное суммирование особо значимых чисел 5 и 6, а также 6 и 7, заранее представленное в архитектурном проекте, но, скорее всего, имело место отступление от плана, связанное с изменением внешнего вида сооружения и его назначения в процессе эксплуатации. Так, ров вокруг одномогильного Искровского кургана образует неправильную 11-угольную фигуру, в которой две противолежащие грани (с северной и южной стороны) короче других в 2–3 раза (см. рис. 2, 1), что могло быть результатом удаления двух симметричных перемычек, сначала оставленных для входа на девятиугольную погребальную площадку, после завершения строительства. Ров кург. 6 Гаевского-1 могильника также имеет 11-угольную форму в плане и короткие стенки напротив поздних погребений 2 и 3, расположенных на одной линии СВ–ЮЗ (рис. 6, 2), возможно, в местах ранее существовавших разрывов в ограждении для входа на подкурганное пространство для подхоронений [Культура..., 1997, рис. 15]. Одна короткая грань с юго-восточной стороны в 11-угольной конфигурации рва кург. 5 того же некрополя может свидетельствовать о некогда существовавшем месте входа на 10-угольную подкурганную площадку, поскольку у каждой из трех могил, расположенных по линии СЗ–ЮВ, стоял горшок, причем у крайних – в наиболее близком к ним участке рва, который углубляли (рис. 6, 1). Как нам кажется, пример незавершенной конструкции представляет собой ограда кург. 1 Савиновского могильника, она 13-угольная с тремя перемычками с северо-западной, юго-восточной и южной сторон в местах подхода к могилам [Матвеева, 1993, рис. 3]. Причем, если бы потребовалось закрыть вход на площадку, то два узких промежутка были бы срыты по прямой, а для соединения оконечностей рва на месте широкой

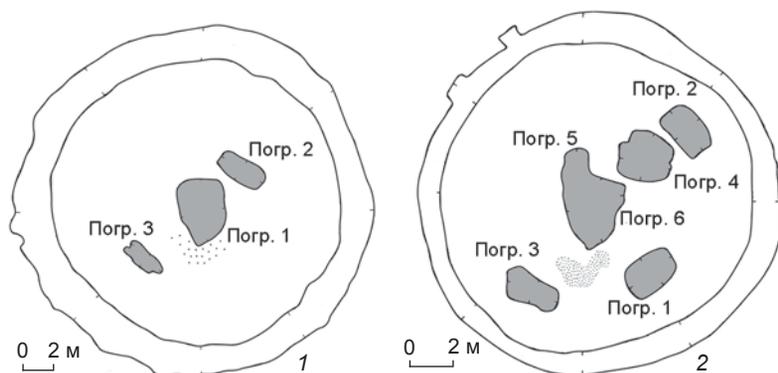

Рис. 6. Планы кург. 5 (1) и 6 (2) Гаевского-1 могильника.

перемычки потребовалось бы сделать поворот, что придало бы рву 14-угольную в плане форму.

Окружавшие погребальное пространство ровики, в т.ч. с несколькими разрывами, известны уже в раннем и среднем бронзовом веке в Подонье, Поволжье [Медведев, 2017, с. 116], в поздний период эпохи бронзы на Урале и в Сибири [Аркаим..., 2002, рис. 7; Михайлов, 2001, с. 191–193, табл. 32]. Специалисты трактуют их как отображение мифологического змея [Шилов 1995, с. 565] или как проявление соляных культов [Медведев, 2017, с. 115].

В.С. Ольховский по репрезентативным скифским источникам убедительно показал структуру курганного погребального сооружения ранних кочевников степной Евразии как канонизированной модели устройства мироздания в строго нормированных элементах архитектуры, которые рассматриваются как процедурные шаги ритуала, символически воплощающие препятствия на пути умершего в загробный мир [1999, с. 123–125]. Он находил индоевропейскую концептуальную основу в ядре данного мифа, дополненную формирующейся эпической традицией, отразившейся в обрядовых действиях [Там же, с. 119]. Общескифскими звеньями, сходными с мифологемой саргатского населения, являются Мировая гора, концентрические зоны в подкурганном пространстве, членищие «горизонтальный мир», ров и остатки жертвоприношений, в т.ч. зависимых людей и коней у коновязей [Матвеева, 2000, с. 179, 229, 266]. Вертикальная ось всего комплекса, вероятно, маркировалась гигантским столбом, установленным в насыпи или центральной яме и выходившим на поверхность, как это прослежено в кург. 3 Савиновского могильника [Матвеев, Матвеева, 1991, с. 39]. Признаком мифологического осмысления строительной деятельности, уподобления ее творению, является обычай захоронения инструментов для обработки дерева (кельтов, тесел) в саргатских могилах, что находит аналогии у ранних кочевников Семиречья [Акишев, 1984, с. 10].

Значительные различия в оформлении конструкций и организации жертвоприношений в скифской и саргатской культурах объясняются формированием в отдаленных частях Евразии местных трактовок общего мифа и локальных строительных традиций, целиком основанных в отсутствие каменных материалов на дереве. Например, в практику вошли величины, соотносимые с длиной бревенчатых заготовок, используемых в жилой архитектуре [Матвеева и др., 2005, с. 111, 113], претерпели существенные изменения ритуалы с участием коня.

Количество могил в кургане, как известно, обусловлено факторами социальной иерархии и длительностью обитания семейно-родственных групп на одном месте [Матвеева, 2000, с. 132–133]. В ра-

боте В.И. Матюшенко и Л.В. Татауровой высказана идея, что несколько ровов или подновление первоначального рва с изменением формы связаны с последовательным подхоронением в курган именно взрослых мужчин высокого статуса [1997, с. 95–96]. Однако ее не удалось подтвердить из-за недостатка половозрастных определений скелетов из могил и детальных данных о рельефе ровов во многих саргатских памятниках; кроме того, имеются случаи захоронения в центре курганов высокостатусных женщин – с оружием, культовыми предметами, драгоценной утварью и украшениями. Полагаем, что интерпретация ровов как защитного ограждения от могущественных сил смерти и возможного магического вредоносного воздействия героя, становящегося в ряд влиятельных предков, в дальнейшем получит фактическое подкрепление. Она согласуется с археологическими материалами саргатской культуры, свидетельствующими о возвышении вождей и легендарных воинов-богатырей, такими как «княжеские» курганы, найденные в них украшения от одеяний «золотого человека», большие комплексы вооружения, драгоценные сервицы, войлочные ковры и котлы как символы военных пиров членов дружин, сюжеты изображений на предметах Сибирской коллекции Петра I с подвигами богатырей [Матвеева, 2000, с. 238, 266], и коррелирует с идеей загробного путешествия героя, повторяющего деяния предков.

Заключение

Сохранение в курганной архитектуре раннего железного века Западной Сибири элементов ранней индоевропейской мифологии, в т.ч. представления о Мировой горе, змееборческого мифа с участием Индры, посмертного путешествия, было бы весьма сомнительным, если бы не многочисленные данные о сложности саргатской культуры на основе позднебронзовых культур андроновской секвенции, не топонимические доказательства расселения здесь индоевропейцев. Конечно, произошла существенная трансформация архитектурной традиции под влиянием комплекса факторов новой эпохи. Полагаем, что имеются перспективы детального изучения поставленной проблемы на планиграфических и стратиграфических материалах наиболее тщательных раскопок.

Список литературы

Акишев А.К. «Кумир Ареса»: Семантика мотива разрушения-расчленения в сако-скифской и других мифологиях // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология: тез. докл. конф. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1984. – С. 8–12.

- Арканм:** некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – Кн.1. – 232 с.
- Грязнов М.П.** Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М.: ИА АН СССР, 1961. – С. 22–25.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – М.: Наука, 1980. – 62 с.
- Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К.** Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (Курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // СА. – 1984. – № 4. – С. 35–48.
- Иванов В.В.** Змей // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 1. – С. 469–471.
- Корякова Л.Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 239 с.
- Культура** зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П.** Савиновский могильник саргатской культуры. – Препр. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1991. – 54 с.
- Матвеева Н.П.** Отчет о полевых археологических исследованиях в Упоровском и Исетском районах Тюменской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9062.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Пришимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск: Наука, 2000. – 399 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е.** Новые памятники бронзового и раннего железного веков: Древности Ингальской долины. – Новосибирск: Наука. 2003. – Вып. 1. – 174 с.
- Матвеева Н.П., Зеленков А.С., Третьяков Е.А.** Гилевский-2 могильник на правом берегу Тобола // АВ ORIGINE: археол.-этногр. сб. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. – Вып. 10. – С. 45–72.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикункова И.Ю.** Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 229 с.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В.** Могильник Сидоровка в Омском Приртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.
- Михайлов Ю.И.** Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири: Эпоха бронзы. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2001. – 363 с.
- Медведев А.П.** Курган с ровиками в низовьях р. Елань // РА. – 2017. – № 3. – С. 105–116.
- Могильников В.А.** Коконские и Саргатские курганы // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири скифо-сарматского времени. – М.: Наука, 1972а. – С. 119–133.
- Могильников В.А.** К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972б. – С. 66–86.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф.** Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири скифо-сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 87–118.
- Ольховский В.С.** К изучению скифской ритуальности: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция, интерпретация древних идеологических представлений. – М.: Вост. лит., 1999. – С. 114–136.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка-3 // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 98–126.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Смирнов Ю.А.** Лабиринт: Морфология преднамеренно-го погребения. – М.: Вост. лит., 1997. – 279 с.
- Топоров В.Н.** Брахма // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1994а. – Т. 1. – С. 185–186.
- Топоров В.Н.** Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1994б. – Т. 1. – С. 527–533.
- Топоров В.Н.** Гора // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. – М.: Рос. энцикл., 1994в. – Т. 1. – С. 313–315.
- Чернопицкий М.П.** Планировочные композиции курганных ансамблей ранних кочевников // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. Всесоюз. археол. конф. – Кемерово: [б.и.], 1979. – С. 25–27.
- Чернопицкий М.П.** Курган в системе древней обрядности // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология: тез. докл. конф. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1984. – С. 70–75.
- Чернопицкий М.П.** Некоторые явления микротектоники кургана // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тез. докл. обл. науч. конф. – Омск: [б.и.], 1987. – Ч. 2. – С. 58–62.
- Шилов Ю.А.** Прародина ариев. – Киев: СИНТО, 1995. – 744 с.
- Gimbutas M.** The kurgan culture // Actes du VIIe congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Prague, 21–27 août 1966. – Prague: Academia, 1970. – Т. 1. – P. 483–487.

Материал поступил в редколлегию 27.03.18 г.